

Наталия Плотникова

**Пустота и пламя.
Истории тех, кто
встретил разлом.**

Наталия Плотникова

Пустота и пламя. Истории тех, кто встретил разлом.

<https://litres.ru/74371748>

SelfPub; 2026

Аннотация

Они называют его «назначенным». Он сам называет себя просто уставшим.

Сэр Колм МакГрат не просил спасти мир. Ему просто сказали: «ты должен». Должен закрыть трещину в небе, пока из неё не хлынула тьма. Должен собрать артефакты, даже если за каждый придётся заплатить тем, что делает его человеком. Его ждут. У каждого своя правда. Своя боль. Своя цена.

Колм идёт к ним с пустотой внутри. И чем дальше он заходит, тем яснее понимает: Печать, которую он должен закрыть, была создана не для защиты. Она была создана, чтобы запереть тех, кого люди боялись.

Вопрос не в том, спасёт ли он мир. Вопрос в том, кем он станет, когда вернётся. И вернётся ли вообще.

Мир умирает. Но самое страшное — не демоны за гранью. Самое страшное — правда, которая ждёт по ту сторону.

Содержание

Пролог	4
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: Колм МакГрат. История одного рыцаря	8
Цена пророчества	8
Кровь дракона	14
Гордость эльфов	24
Подземное эхо	34
Грех человеческий	41
Путь к Разлому	49
Сталь против Бездны	61
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ГОЛОСА МИРА	68
СКАХА. ИСТОРИЯ ТОЙ, КТО ВИДИТ	68
Та, кто не спит	68
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Наталия Плотникова

Пустота и пламя. Истории тех, кто встретил разлом.

Пролог

Трещина появилась не сразу.

Сначала просто небо стало другим. Багровым. Тяжёлым. Оно давило на землю, как крышка гроба, которую кто-то придерживал с той стороны. Люди поднимали головы и крестились. Гномы уходили глубже в шахты. Эльфы смотрели на увядающие деревья и молчали.

Никто не знал, что это значит.

Никто не хотел знать.

Печать существовала тысячу лет. Её ковали лучшие мастера Крон-Тара, вкладывая в металл свою волю, свою жизнь, свою душу. Люди боялись того, что было по ту сторону. Эльфы ненавидели стену, которая стала их клеткой. Драконы чувствовали, как она сжимает грудь, как забирает дыхание, как забирает силу.

Но Печать держала мир.

Держала, пока не треснула.

Сначала трещина была тонкой, почти незаметной — как

волос на камне. Но она росла. Каждый день, каждую ночь, каждый час. Из неё сочился свет — не белый, не чёрный, не живой. Тот свет, который не должен был существовать. Свет, который пах кислым, сладковатым, чужим. Свет, который дышал.

Где-то в глубине, за трещиной, просыпалось то, что люди называли Хаосом. Демоны. Бездна. Они ждали тысячу лет. Они чувствовали, как стена слабеет. Они слышали, как мир трещит по швам.

Мир не знал, что они уже рядом.

Но они знали.

Земля вокруг Разлома умерла первой. Трава перестала расти. Деревья стояли голыми, как скелеты. Воздух стал тяжёлым, холодным, он давил на грудь, и те, кто подходил слишком близко, не могли дышать. Звери уходили. Птицы не пели. Тишина была такой глубокой, что казалось, она слышит тебя.

В деревнях, которые были ближе всего к Разлому, люди начали видеть сны.

Не свои. Чужие.

Они просыпались с криком и не могли вспомнить, что им снилось. Они чувствовали только страх — такой острый, такой чужой, что он не проходил до самого вечера. Они смотрели на небо и знали: что-то пришло. Что-то идёт. Что-то хочет выйти наружу.

В замках и городах, далеко от Разлома, люди жили как

раньше. Они торговали, спорили, любили, ненавидели. Они не знали, что мир умирает. Они не хотели знать. Им казалось, что багровое небо — это просто странная погода. Что трещина — это просто слух. Что демоны — это просто сказка для детей.

Они ошибались.

В старой башне у стен Глен-Ши сидела ведьма. Она не спала семьдесят лет. Она видела чужие сны, забирала чужую боль, давала чужие ответы. Она знала, что Печать треснула. Она знала, что кто-то должен пойти к Разлому. Она знала, что этот кто-то — не она.

Она ждала.

В подземелье замка Глен-Ши, в сырости и темноте, сидел человек. Он ждал двадцать лет. Он забыл своё имя, забыл своё лицо, забыл, как выглядит небо. Он чувствовал только пустоту. И он знал, что однажды кто-то придёт.

Он ждал.

В увядающем королевстве эльфов правитель сидел у стены с голосами. Он ждал триста лет. Он слушал голос дочери, которая обещала вернуться. Он знал, что она не вернётся. Но он продолжал слушать.

Он ждал.

В шахтах Крон-Тара, глубоко под землёй, семь мастеров лежали в камне. Они ждали триста лет. Их воля держала Печать. Их тела спали. Они чувствовали, как трещина растёт, как мир умирает, как их сила уходит. Они знали, что одна-

жды кто-то придёт и освободит их.

Они ждали.

В столице, в королевском дворце, на троне сидел король. Он ждал много лет. Он не знал, чего ждёт. Он просто знал, что однажды что-то изменится.

Он ждал.

Трещина росла.

Мир умирал медленно, но верно. Люди чувствовали это, даже если не могли сказать словами. Дети плакали без причины. Старики просыпались от того, что сердце билось слишком громко. Звери уходили из лесов, птицы перестали петь, рыба умирала в реках.

Мир знал, что конец близок.

Но никто не знал, кто придёт. Никто не знал, как остановить это. Никто не знал, что один человек — уставший, пустой, назначенный, но не избранный — уже собирался в путь.

Он сидел в замке Глен-Ши и смотрел на багровое небо. Он не знал, что его ждёт. Он не знал, сможет ли он спасти мир. Он не знал, вернётся ли он.

Он знал только, что он должен идти.

Потому что если не он — никто.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: Колм МакГрат.

История одного рыцаря

Цена пророчества

Замок Глен-Ши стоит на скале, ветер завывает в его бойницах, и кажется, что сам камень стонет. Свинцовые облака на багровом небе вот-вот раздавят башни замка. Нет, это не закат, это небо, оно такое уже третьи сутки. Это признак скорого прорыва Печати.

В большом зале — пусто, свечи оплыли, никто не зажигает новые. Слуги разбежались по деревням, оруженосцы молятся в часовне, и даже псы притихли. А внизу, во внутреннем дворе, уже второй час не смолкает крик — двое стражников сцепились из-за того, кто первым побежит, когда небо окончательно рухнет. Их едва разняли, но в воздухе всё ещё висит звериный рык. Ещё немного — и люди перегрызут друг другу глотки быстрее, чем демоны прорвутся сквозь Печать.

Сэр Колм МакГрат сидит за столом, заваленным манускриптами, и трёт переносицу тонкими бледными пальцами, испачканными в чернилах. Это высокий стройный мужчина тридцати пяти лет. Седина уже тронула виски, не от старо-

сти, от бессонницы, сэр Колм не спит уже третьи сутки с момента проявления тревожного неба. Он отнюдь не избранный. Он «назначенный», старший сын, продолжатель древнего рода МакГрат, и именно Колму достался этот замок, священный долг и треснувшая Печать, о которой отец говорил шёпотом перед смертью.

Колм не верит в знамения. Он верит в карты, логику и хорошо заточенный меч, но сейчас карты молчат, логика говорит, что всё кончено, а меч бесполезен против того, что дышит по ту сторону Печати. Он смотрит в окно и тихо проносит:

— Если я ничего не сделаю — умрут все. Если сделаю неправильно — умрут тоже. Разница только в том, как я буду спать в оставшиеся ночи.

Он усмехается горько. Он и так почти не спит. Он знает, что помочь может ведьма, живущая в заброшенной смотровой башне, куда матушка запрещала ходить Колму, когда тот был совсем мальчишкой. Теперь мать мертва, запреты тоже, а идти надо не потому, что храбрый и не потому, что герой, а потому, что больше некому. Он идёт к ней сам.

Колм поднимается по винтовой лестнице, ступени скрипят и крошатся. Наверху — круглая комната без окон, только бойницы, и в центре — женщина по имени Скаха. Она не выглядит старой или замученной, на вид лет сорок. Волосы седые, аккуратно собраны на затылке, но лицо гладкое, глаза ясные и пронзительные. Скаха сидит на полу, поджав

ноги, перебирает сухие травы, разложенные на тряпице. Она не удивлена и не напугана.

— Ты пришёл, сэр МакГрат, — говорит она спокойно, даже не поднимая головы. — Я знала. Я всегда знаю, когда кто-то отчаивается. От тебя пахнет бессонницей, муками размышлений и растерянностью.

Колм кладёт ладонь на рукоять меча. Не угрожает — просто привычка.

— Мне нужен ответ. Где искать артефакт, который запечатает трещину. От отца я слышал, что ты можешь мне помочь.

Ведьма поднимает глаза:

— Знаю. Но ты не сможешь его забрать, потому что не знаешь дороги. А я знаю. И нарисую тебе карту. Но не просто так.

Колм стоит молча, не перебивает, ждёт.

Ведьма убирает травы в мешочек и смотрит на него в упор:

— Мне нужны твои сны.

Он хмурится.

— Я не могу их отдать. Это не монета и не меч.

— Можешь, — она улыбается краешком губ. — Ты просто перестанешь их видеть. Каждую ночь ты будешь проваливаться в пустоту. Без снов, без волнений. Тело будет отдыхать — душа нет.

Колм молчит. Внутри — холод. Он не боится боли, он бо-

ится потерять единственное место, где он ещё свободен. В снах он видит море (хотя замок далеко от моря), видит мать, видит себя мальчишкой, бегущим по полю. Это единственное, что осталось у него настоящего.

— И как мне жить без снов? — спрашивает он тихо.

— Как я, — она пожимает плечами. — Я тоже не сплю уже семьдесят лет. Мы ведьмами не рождаемся — мы становимся, когда отдаём себя за знание.

Она протягивает ему лист пергамента. Пустой. Только внизу — герб рода МакГрат.

— Что это?

— Контракт. Но он не о снах.

Колм замирает.

— Я не просто так забираю твои сны, сэр МакГрат. Я забираю их, потому что иначе ты не сдержишь клятву. А клятва будет вот какой: ты дашь слово на родовой печати, что отдашь мне свои сны, и слово на той же печати, что никогда не попытаешься их вернуть. Ни молитвой, ни артефактом, ни угрозами. Если попытаешься — клятва сожжёт твою память. Ты забудешь мать, забудешь своё имя, забудешь даже то, зачем пришёл в эту башню. А Печать падёт — и ты даже не вспомнишь, что мог её спасти.

Колм смотрит на герб. На печать отца. На печать деда.

— Ты просишь меня поклясться предкам, что я предам самого себя, — говорит он медленно. — И, если я отступлюсь, они отвернутся от меня. Навсегда.

— Да, — Скаха не отводит взгляд. — Поэтому я не тороплю тебя. У тебя есть время. Ты можешь уйти. Вернуться в зал, смотреть на багровое небо и ждать, пока люди перегрызут друг другу горло. Ты умрёшь с чистой совестью и снами о море.

Она замолкает и добавляет тихо:

— Или ты подпишешь. И спасёшь мир, но перестанешь быть тем, кем был. Выбор за тобой.

Колм стоит неподвижно. Внизу, за стенами башни, доносится новый крик — там снова кого-то не поделили. Страх превращает людей в зверей. Он слышит, как лязгает металл — кажется, уже обнажили мечи.

Он закрывает глаза. Видит мать. Видит поле. Видит море.

Он думает: «Если я уйду сейчас — я сохраню себя. Но какой в этом смысл, если сохранить будет нечего?»

Колм открывает глаза.

— Дай перо.

Он подписывает контракт на родовой печати. Пальцы не дрожат. Только внутри — пустота, будто он уже лишился того, что ещё не отдал.

Скаха забирает пергамент, кивает.

— А теперь ступай. Свою часть договора ты выполнил, моя — утром.

Сэр Колм выходит из башни и возвращается к себе. В коридоре он проходит мимо двух стражников — те стоят, отвернувшись друг от друга, но руки всё ещё сжаты в кулаки.

Колм смотрит на них и горько усмехается.

— Стоило ли доверять ей? — шепчет он. — Как будто у меня был выбор...

Утро. Всё то же кроваво-красное небо, свинцовые тучи. В руке — карта, сложенная вчетверо.

Колм смотрит на неё, хмурится.

— Что это?

Он помнит ведьму. Помнит, что заплатил. Но не помнит — чем.

Он трогает собственную грудь, будто пытается нащупать внутри что-то знакомое. Но там — только тишина. Спокойная, ровная, чужая.

И только когда через неделю он засыпает и видит вместо сна пустоту — он начинает догадываться.

Но контракт уже подписан.

Кровь дракона

Карта оказалась правдивой. Колм потратил три дня, чтобы проверить её — сравнил с ветхими свитками из библиотеки, расспросил старого оруженосца, который помнил дороги ещё при отце. Артефакт существовал. Лежал в руинах на востоке, в землях, которые давно никто не называл по имени. Но карта умалчивала главное: чтобы пробудить артефакт, нужна была кровь. Кровь последнего из рода, чьи предки держали в небе огонь. Колм не знал, жив ли ещё этот потомок. Он не знал даже, где его искать — но карта, сложенная вчетверо, шептала направление. И в этом шёпоте было что-то от ведьминого голоса. А может, ему просто казалось. Он уже не различал, где кончается его собственная воля, а где начинается та, за которую он заплатил снами.

Он свернул карту, сунул за пазуху и вышел во двор. Седло, конь, дорога — и багровое небо, которое ждало, пока он решится.

Три дня пути. Колм не считал их — он просто ехал, оставаясь только чтобы дать коню передохнуть. Земля становилась суше, трава — жёстче, воздух — горячее. На четвёртый день он добрался до придорожной таверны на самой границе выжженных земель. Единственное место, где можно было узнать, что ждёт впереди.

Таверна называлась «Остывший очаг». И это имя было

правдой — внутри было холодно, хотя за стенами пекло. За стойкой стоял пожилой мужчина с обожжёнными руками — пальцы скрючены, кожа стянута рубцами. Он наливал путникам дешёвое пойло и улыбался так, будто у него не было ни одного врага на свете.

Колм сел в угол, заказал эль. Не пил — смотрел на карту, разложенную перед собой. Трактирщик подошёл сам. Не спросив разрешения, сел напротив.

— Выжженные земли, — сказал он, кивая на карту. — Туда никто не едет. Там ничего нет.

— Мне нужно кое-что, — ответил Колм. — Кровь последнего потомка Дракона.

Трактирщик усмехнулся. Не зло — устало. Потом поднял свои обожжённые руки и показал их Колму.

— Я знаю, о ком ты говоришь. Я один из тех, кто его искал. Двадцать лет назад. Твой отец нанял нас — отряд охотников. Мы должны были найти его, чтобы... чтобы он не мешал. Чтобы он сидел тихо. Я нашёл его. Я привёл его к твоему отцу. А он, вместо благодарности, — трактирщик кивнул на свои руки, — оставил мне это. Чтобы я не рассказывал, где его прячут.

Колм похолодел. Он не знал этого. Он не знал ничего.

— Где он? — спросил он тихо.

Трактирщик посмотрел на него долго. Очень долго. Потом встал, подошёл к стойке и достал старый ключ — большой, ржавый, с гербом МакГрат на головке. Положил перед

Колмом.

— Ты серьёзно? — трактирщик рассмеялся Колму прямо в лицо. — Ты думаешь, я не знаю, кто ты? Ты — сэр МакГрат. Ты — наследник. Твой отец держит этого человека в подземелье замка Глен-Ши. В том самом, где ты вырос.

Колм смотрел на ключ. Не мог отвести взгляд. Герб рода. Его собственный герб.

— Он сидит в твоём подземелье двадцать лет, — продолжал трактирщик уже спокойно. — Твой отец запер его, чтобы «контролировать наследие». Чтобы никто не использовал его кровь против МакГратов. Или чтобы МакГраты сами могли её взять, когда припрёт. Ты ничего не знал, да? Ты, правда, ничего не знал?

Колм молчал. Внутри — пустота. Но теперь она была не тихая. Она гудела, как раскалённый металл.

— Откуда ты знаешь, что он жив? — выдавил он.

— Потому что я приношу ему еду. Раз в месяц. Тайно, через подземный ход, о котором твой отец не знал. Или знал, но закрыл глаза. И потому что он — единственный, кто мне не враг. Он тоже потерял всё. Руки у меня сожжены — его же собственный народ сжёг, когда узнал, что я привёл его к МакГратам. А он, когда узнал, что я кормлю его в камере, сказал мне: «Ты не виноват. Ты тоже выбирал не из зла, а из страха».

Трактирщик покачал головой.

— Мы оба живём с этим. Ты — с долгом, который тебе

навязали. Он — с клеткой, в которую его посадили за то, что он родился. А я — с руками, которые помнят огонь. И с ключом, который я должен был выбросить, но не смог.

Колм взял ключ, холодный ключ, такой же холодный, как и воздух в таверне, хотя за стенами стояло пекло.

— Спасибо, — сказал он. И вдруг понял, что это слово ничего не стоит. Оно не заполняет пустоту.

— Не благодари, — ответил трактирщик. — Просто, когда ты его откроешь — не делай того, что сделал твой отец. Дай ему выбор. У него никогда не было выбора.

Колм кивнул. Встал. Сунул ключ в карман.

— Как его зовут? — спросил он на прощание.

Трактирщик помолчал. Потом сказал тихо:

— Его зовут... не важно. Он уже забыл своё имя. Называй его просто — тот, кто ждёт. И да... Возьми вот это — трактирщик протянул грязный свёрток, — возможно, тебе это пригодится. Не спрашивай, что это и откуда оно у меня. Я чувствую, что должен это отдать именно тебе и именно сейчас.

Колм вышел из таверны. Сел на коня. Карта в одной руке, ключ в другой. А внутри — пустота. Но теперь он знал, что она не его. Она общая. Она — у него, у трактирщика, у человека в подземелье, которого он никогда не видел, но чья кровь текла по его роду, как проклятие.

Он повернул коня обратно. К замку Глен-Ши. К подземелью. К тому, кого искал в выжженных землях, но должен

найти в собственном доме.

Колм спускается по лестнице замка Глен-Ши. Отец запрещал туда ходить — говорил, там «опасно». Теперь Колм знает правду. Там сидел человек. Там сидел тот, кого его род держал в клетке двадцать лет, чтобы «контролировать наследие». Чтобы драконья кровь не ушла из мира, но и не вышла наружу.

Старым ржавым ключом он открывает тяжёлую дверь в камеру, где темнота, сырость, запах гнилой соломы. В углу — еле различимая почти прозрачная фигура. Человек на гнилой соломе, седой, в рванье, с обломанными когтями на руках и глазами, которые давно перестали верить в свет. Он даже не поднимает головы на звук шагов.

— Двадцать лет, — говорит он хрипло. — Двадцать лет я слышу шаги. Твой отец. Твой дед. А теперь ты. Я знаю этот шаг — шаг человека, которому что-то нужно.

Колм молчит. В горле — ком. Он не знал. Он правда не знал. Но от его незнания не легче ни ему самому, ни человеку в углу этой темницы.

— Я пришёл за твоей кровью, — говорит он тихо. — Печать треснула. Демоны рвутся в мир. Ты — последний потомок Дракона. Твоя кровь нужна, чтобы закрыть печать.

Потомок поднимает голову. Смотрит на Колма. И в этом взгляде — не злоба. Не ненависть. Только усталость такая глубокая, что у неё нет дна.

— Ты знаешь, почему я здесь сижу? — спрашивает он. —

Твой отец не боялся, что я сожгу мир. Он боялся, что я откажусь. Что я скажу «нет» и позволю всему рухнуть. Потому что тогда вина будет моя. А так — я здесь. И если мир рухнет, виноват буду я, потому что я сидел и ничего не делал. А ты — ты просто наследник. Ты должен. Ты не выбирал.

Колм стоит в дверях. И вдруг понимает, что потомок говорит не о себе. Он говорит о нём. О Колме.

Он никогда не выбирал эту ношу. Ему просто сказали: «ты старший сын, ты должен». Должен защищать замок. Должен нести долг. Должен запечатать трещину. Должен быть рыцарем. Должен, должен, должен.

— Ты прав, — говорит Колм тихо. — Я не выбирал.

Потомок усмехается — горько, беззвучно.

— Мы оба не выбирали. Меня — заперли, тебя — поставили на пост. Мы оба сидим в клетках, сэр МакГрат. Только у твоей клетки — стены с окнами. А у моей — стены без.

Колм подходит ближе. Садится на корточки напротив. Впервые смотрит в глаза этому человеку. В них — ничего. Не злоба, не надежда, не страх. Пустота. И он узнаёт эту пустоту. Она внутри него самого — с того утра, когда он проснулся с картой и без снов. Только тогда она была тихой, незаметной. А здесь — она огромная, как пещера.

— Ты знаешь, что я отдал сны ведьме? — спрашивает Колм. Сам не знает, зачем говорит.

— Чую, — отвечает потомок. — Драконьи дети всегда чувствуют пустоту. У тебя внутри — дыра. Ты пытаешься её запол-

нить долгом. Но долг не заполняет. Он только расширяет.

Потомок Дракона смотрит на Колма долго. Потом достаёт из-под соломы старый кинжал. Протягивает его рыцарю.

— Забери мою кровь, — говорит он. — Я отдам добровольно.

Колм замирает. Он ожидал сопротивления. Ненависти. Он готовился к бою. А здесь — просто согласие.

— Почему? — спрашивает он.

Потомок пожимает плечами.

— Потому что я тоже должен. Не тебе. Не миру. Себе. Двадцать лет я ненавидел своё наследие. Двадцать лет хотел, чтобы оно умерло вместе со мной. Но если я сейчас откажу — демоны прорвутся. И я буду знать, что мог остановить их — и не стал. Это хуже, чем быть в клетке. Это значит — я согласился быть в ней. Я сам выбрал пустоту.

Он протягивает руку. Когти обломаны — он их грыз, когда сидел один.

— Я отдам кровь. Но ты должен сделать одну вещь. Ты должен выпустить меня. Не сейчас, когда я дам кровь. А потом. Когда я ослабею. Ты должен открыть ворота и дать мне уйти. Я не хочу умирать в этой камере. Я хочу умереть там, где есть небо. Даже если оно багровое. Даже если оно чужое.

Колм смотрит на него. И чувствует, как внутри шевелится что-то — не долг, не жалость. Что-то, что он не называл много лет. Человеческое.

— Я выпущу тебя, — говорит он. — Клянусь.

— Ты уже клялся одной ведьме, — усмехается потомок.
— Но я верю. Потому что в твоей пустоте — честность. У тебя нет сил врать. Ты уже пустой.

Колм смотрел в глаза потомка. Они были тусклыми, серыми — как пепел давно потухшего огня. Но когда он сказал: «Я выпущу тебя» — в них мелькнула золотая искра. Тонкая, как волос. И погасла. Словно сам Дракон внутри этого человека на мгновение приоткрыл глаз — и снова закрыл.

Узник вскрывает себе вену кинжалом. Кровь течёт в подставленную флягу. Тёмная, густая, с золотым отливом. Потомок бледнеет, его глаза закрываются. Но он не падает — держится из последних сил.

— Иди, — шепчет он. — Иди и закрой эту проклятую Печать. А я пойду смотреть на небо.

По лицу Потомка пробегает нечто похожее на дрожь, бледноватое сияние, едва заметное, но достаточное, чтобы заметить его облегчение.

Колм выводит его во двор. Потомок щурится на багровое небо — впервые за двадцать лет. Он стоит, шатаясь, и смотрит вверх, как ребёнок. На его лице — слёзы. Он не плачет. Слёзы просто текут.

— Я забыл, какое оно, — говорит он тихо. — Даже такое... страшное... оно живое.

Колм открывает ворота. Потомок выходит за пределы замка. Делает несколько шагов. Останавливается. Оборачивается.

— Ты отдал сны, сэр МакГрат. Ты думаешь, это пустота. Но это не пустота. Это место, где был ты. И оно будет ждать, пока ты вернёшься. У меня такого места нет. У меня никогда не было.

Он уходит. Медленно, хромая, сжимая в руке обломок кинжала — единственное, что он забрал из камеры.

Колм стоит у ворот. Смотрит на удаляющуюся фигуру, ему кажется на мгновение, что у потомка Дракона, что плечи распрямились так, будто за ними что-то есть — невидимое, но живое. Будто он снова становится тем, кем был до клетки, будто раскрылись крылья и тот вот-вот взлетит.

В руке Колма фляга с кровью. Тёплая. Тяжёлая. Она весит не как жидкость — она весит как годы. Как двадцать лет чужой жизни, которые он, Колм, даже не заметил.

И на миг его пальцы стали светиться — тусклым, золотистым светом. Как угли, в которых ещё есть жар. Он не знал, что это значит. Но рука не дрожала.

Внутри — пустота. Но теперь она не пустая. Теперь в ней поселился этот человек. Его глаза. Его голос: «Ты отдал сны, сэр МакГрат. Но это не пустота. Это место, где был ты».

Колм не знает, что с этим делать. Он просто стоит у ворот и смотрит вверх — на багровое небо, которое теперь должно стать спасённым.

Он чувствует: он должен. Но впервые это «должен» не давит. Потому что он выбрал его сам. Он выбрал выпустить человека. Он выбрал взять его кровь. Он выбрал не бежать

от пустоты, а войти в неё.

И в этом выборе — странная полнота.

Гордость эльфов

Колм вернулся в подземелье. Он спустился по каменным ступеням. В камере, где двадцать лет сидел потомок Дракона, было пусто. Только гнилая солома, только запах сырости и времени. Но Колм заметил то, чего не видел несколько минут назад. В углу, за камнем, который он принял за часть стены, — щель ровная и гладкая, она здесь не случайно. Он подошёл ближе. Прикоснулся пальцами к холодному камню — и тот поддался. За камнем была ниша, маленький тайник, внутри которого свёрток. Старый пергамент, почти рассыпавшийся от времени, перевязанный кожаным шнурком.

Колм вытащил и развернул его. На пергаменте была карта, но не та, что у него была. На этой были отмечены земли, о которых Колм никогда ни от кого не слышал. Там, где он знал только пустоту, было название: «Увядающее королевство». Внизу карты ровным уверенным подчерком подпись. Это рука не отца и не деда, их подписи имели витиеватые буквы, занимали достаточно пространства. Это чья-то чужая рука, буквы мелкие, круглые, аккуратные: *«Если ты читаешь это — значит, кровь Дракона уже у тебя. Теперь иди к эльфам. То, что поможет закрыть Печать, — у них. Они не простят людей. Но они простят тебя. Если ты готов слушать, а не требовать».

Колм перечитал слова трижды. Он не знал эльфов. Он не

знал даже, существовали ли они на самом деле. Отец никогда не говорил о них. В библиотеке не было ни одной книги. Но карта не врал. Она вела туда. И подпись была сделана не его рукой — но она знала о драконьей крови. Она знала о том, что он выпустил пленника.

Колм сложил карту и сунул за пазуху. Рядом с той, что дала ему ведьма. Две карты. Две дороги. Одна — к артефактам. Вторая — к эльфам.

Он вышел из подземелья. Сел на коня. Фляга с кровью дракона в седельной сумке всё ещё была тёплой. Он повернул коня на запад. К Королевству, которого не должно было существовать. К эльфам, в которых он не верил. К новой правде, которую он не просил.

До «Увядающего королевства» было полдня пути. Колм не торопился. Он ехал шагом, держа флягу в седельной сумке, и чувствовал, как она отдаёт тепло через кожу. Тёплая. Тяжёлая. Как чужая жизнь, которую он нёс с собой.

Эльфийское королевство встретило его тишиной. Деревья стояли голые, хотя сезон был тёплым. Не холод — отсутствие тепла. Воздух не колот кожу, он просто не согревал. Как будто само время здесь текло иначе, медленнее, тяжелее. Колм ехал через пустые улицы. Никто не вышел к нему. Никто не спросил, кто он. Только ветер шуршал сухими листьями, которых не должно было быть весной.

Он нашёл замок не сразу, тот врос в землю, как корень, и не выглядел как жилище правителя, скорее, как склеп. Сте-

ны из серого камня, без окон, без украшений. Только одна дверь, приоткрытая, как приглашение войти.

Колм спешил, привязал коня и вошёл. Внутри он увидел длинный и узкий зал, без окон, без факелов. Единственный свет просачивался через щели в потолке. В центре зала сидел эльф. Старый, седой, с лицом, покрытым морщинами. Эльфы не стареют. Но этот старел. На его коленях лежал небольшой камень, гладкий, серый, похожий на речную гальку.

— Я знаю, зачем ты пришёл, Колм МакГрат, — сказал эльф не оборачиваясь. — Но я не могу тебе помочь.

Колм не стал подходить ближе. Остановился в дверях, положил ладонь на рукоять меча — не угрожая, просто по привычке.

— Мне нужен артефакт, — сказал он. — Чтобы закрыть Печать. Демоны рвутся в мир.

Лаэрон усмехнулся — сухо, беззвучно. Не обернулся, но голос стал острее, как лезвие.

— Демоны рвутся в мир. Печать треснула. Тысяча лет — и всё те же слова. Ты думаешь, ты первый, кто пришёл с горящими глазами? Вы все одинаковые. Фанатики, которые видят демонов там, где их нет. Ты даже не знаешь, что такое Печать на самом деле. Но ты уже готов умереть за неё.

Он помолчал. И добавил тише, но не мягче:

— Это смешно, человек. Это трагично. И это — единственное, что вы умеете.

Колм молчал. Он не знал, что ответить.

— Садись, — сказал эльф. — Если ты пришёл просить, сядь. Выслушай меня. Хотя бы это ты можешь сделать.

Колм сел. На холодный каменный пол, напротив эльфа. Расстояние между ними было как стол — не близко, не далеко.

— Меня зовут Лаэрон, — сказал эльф. — Я правитель этого королевства. И я умираю. Как и мои деревья. Как и мои подданные. Мы умираем уже триста лет. И никто не приходит спасти нас.

Он поднял камень с колен и протянул его Колму. Тот взял. Камень был холодным, но внутри него что-то тихо вибрировало, как голос на грани слышимости.

— Это память, — сказал Лаэрон. — Не магия. Не артефакт в твоём понимании. Это голос. Один из тысячи, что хранятся в этой стене.

Он кивнул на стену за его спиной. Колм только сейчас заметил — каждая трещина в камне была не трещиной, а стыком. Тысячи маленьких камней, сложенных в огромное полотно.

— Мы не записываем свою историю, — сказал Лаэрон. — Мы храним её в голосах. Каждый камень — это чей-то голос. Чья-то жизнь. Когда мы умираем, мы не уходим — мы остаёмся здесь, в этой стене, и говорим с теми, кто готов слушать.

Колм смотрел на камень в своей руке. Он был холодным.

Но внутри него — тепло, как от дыхания.

— Ты пришёл за артефактом, — сказал Лаэрон. — Вот он. Этот камень. Ты должен выбрать, чей голос ты возьмёшь с собой — и он будет звучать внутри тебя, пока ты не закроешь Печать. Если ты выберешь неправильно — он сломает тебя. Если правильно — он даст тебе силу.

— Как я узнаю, какой правильный?

— Ты узнаешь это так же, как узнал, что нужно выпустить дракона. Не разумом. Чем-то другим.

Колм молчал. Он смотрел на камень, и внутри него — пустота, которая стала привычной, отзывалась эхом.

— Ты знаешь? — спросил Лаэрон тихо. — О моей дочери.

— Нет.

— Её звали Сильвана. Она была первой, кто поверил людям. Триста лет назад, когда Печать только начала трескаться, люди пришли к нам. Они сказали: «Мы не можем закрыть её сами. Ваша магия нужна». Моя дочь ушла с ними. Она хотела помочь. Она верила, что можно договориться.

Лаэрон замолчал. Его руки дрожали — чуть заметно, как сухие листья на ветру.

— Люди убили её, — сказал он. — Не демоны. Люди. Испугались её силы и убили. А потом вернулись к нам и сказали: «Ваша дочь погибла в битве. Она была героиней». Я не поверил. Я пошёл искать правду. И нашёл её.

Он поднял глаза на Колма. В них — не ненависть. Не злоба. Только боль, такая глубокая, что у неё нет дна.

— Я искал триста лет. И нашёл только пустоту. Ты знаешь, что это такое, человек. Я вижу это в тебе. У тебя внутри — такая же пустота. Я не знаю, как ты её получил. Но ты носишь её в себе.

Колм медленно кивнул. Он не спрашивал, откуда Лаэрон знает. Это было видно. Может быть, эльфы чувствовали такие вещи, как драконьи дети чувствуют пустоту.

— Да, — сказал Колм тихо. — Я отдал свои сны ведьме, чтобы получить карту. Чтобы найти артефакт. Чтобы найти кровь дракона.

— И ты нашёл?

— Я нашёл человека, который сидел в подземелье моего замка двадцать лет. Я выпустил его. Он отдал мне свою кровь.

— И ты носишь её в себе.

— Да.

Лаэрон посмотрел на него долго. Потом сказал:

— Ты не такой, как твой отец.

— Откуда ты знаешь моего отца?

— Я знаю всех, кто приходил сюда за артефактами. Твой отец был здесь. Сорок лет назад. Он тоже просил помощи. Я отказал ему.

Колм почувствовал, как внутри что-то шевельнулось — не холод, не тепло. Что-то между.

— Почему ты рассказываешь мне это? — спросил он.

— Потому что ты не похож на него. Он требовал. Ты про-

сишь. Он угрожал. Ты сидишь. Он сказал, что ему нужна сила. Ты сказал, что тебе нужно спасти мир. Это разные вещи.

— Ты прав, — сказал Колм тихо. — Но я всё равно уйду с твоим артефактом. Я не могу позволить демонам прорваться. Даже если для тебя это пустые слова.

— Я знаю, — ответил Лаэрон. — Поэтому я не прогоняю тебя. Ты первый человек, который не врёт. Ты действительно веришь в то, что говоришь. Но ты не знаешь всей правды.

Колм молчал. Ждал.

— Печать не только держит демонов, — сказал Лаэрон. — Она держит нас. Эльфов. Тысячу лет назад мы были могущественны. Люди испугались и создали Печать — не чтобы запереть демонов. Чтобы запереть нас. Демоны пришли позже. Ты просишь меня помочь тебе запечатать нашу тюрьму.

Колм смотрел на него. И внутри — пустота. Но теперь она гудела, как раскалённый металл.

— Я не знал, — сказал он.

— Знаю. Поэтому я не ненавижу тебя. Но я не могу дать тебе артефакт просто так. Ты должен выбрать.

— Что выбрать?

— Кем ты хочешь быть. Спасителем мира — или спасителем нас, потому что одно исключает другое.

Колм смотрел на стену с голосами. На тысячи камней, в каждом из которых — жизнь.

— Я не могу выбирать, — сказал он. — Я должен спасти всех.

— Тогда выбирай камень. Не мой. Не моей дочери. Выбери тот, который сам тебя позовёт. И он будет твоим артефактом. Но помни: его голос будет с тобой всегда.

Колм медленно подошёл к стене. Протянул руку. Камни засветились — тусклым, голубоватым светом. Тысячи голосов заговорили одновременно — тихо, как шёпот ветра.

Он смотрел на стену. И вдруг заметил: один камень светился не голубым. Золотым. Тёплым, как кровь дракона на его пальцах.

Он коснулся его. И внутри — голос. Тихий, знакомый: «Ты отдал сны, сэр МакГрат. Но это не пустота. Это место, где был ты».

Колм замер. Потомок Дракона. Тот, кого он выпустил.

— Этого не может быть, — сказал он.

— Может, — ответил Лаэрон. — Эльфийская память хранит всё, что касается нас. Если ты нёс его кровь, если он оставил след в тебе — его голос мог оказаться здесь. Ты выбрал его, потому что он уже внутри тебя.

Колм сжал камень в ладони. И на миг его пальцы засветились — тёплым, золотым светом. Камень отозвался — тем же золотом.

— Это правильный выбор? — спросил он.

— Я не знаю, — сказал Лаэрон. — Но ты выбрал не разумом. Это и есть правда.

Колм взял камень. Он больше не был холодным. Он пульсировал — ровно, спокойно.

— Спасибо, — сказал он.

— Не благодари, — ответил Лаэрон. — Ты сделал это сам. Я только показал тебе стену.

Колм развернулся и пошёл к выходу. На пороге остановился.

— Она сказала перед уходом: «Я вернусь»? — спросил он.

— Да.

— Тогда она вернётся.

И он вышел. За дверями зала он увидел стену, которую не заметил раньше. В ней был один камень. Он светился мягким зелёным светом — тихо, ровно. И внутри него — голос. Женский, молодой, почти живой. Колм знал, что не должен касаться. Но он протянул руку и коснулся его — один раз, кончиками пальцев. На миг он услышал: «Я вернусь, отец». Зелёный свет вспыхнул — и погас. Колм убрал руку и вышел.

Он сел на коня, привязал камень к седельной сумке рядом с флягой крови дракона. Камни рядом — два. Один — голос дракона, золотой. Один — голос дочери эльфа, зелёный. Он взял их, хотя знал: не должен был. Он увозил с собой голос дракона и голос дочери. И чувствовал себя не спасителем — а вором, который забрал у эльфа последнее, что у него оставалось: надежду, что она вернётся.

Внутри — пустота. Но теперь в ней было тихо. Спокойно.

Колм развернул коня и поехал обратно — к багровому небу, к трещине, к Печати, которая ждала его.

Камень в седельной сумке пульсировал ровно и тепло —

как второе сердце.

Подземное эхо

Колм ехал уже второй день. Камни в седельной сумке лежали рядом — золотой и зелёный. Один пульсировал ровно, как второе сердце. Другой молчал, но Колм чувствовал его тепло через кожу.

Он остановился на привале. Достал золотой камень — тот, в котором звучал голос Потомка Дракона. Сжал в ладони. И услышал:

«Ты взял меня с собой, сэр МакГрат. Теперь я буду говорить с тобой, когда нужно».

Колм не вздрогнул. Он уже привык к голосам внутри.
— Куда мне идти? — спросил он тихо.

Голос зазвучал снова — не громче шёпота, но отчётливо, как если бы Потомок стоял рядом:

«Артефакты — не оружие. Это ключи. Ты взял мою кровь. Ты взял голос эльфийской дочери. Теперь тебе нужна основа. Та, на которой держалась Печать. Её ковали гномы. В старых шахтах, под горой Крон-Тар. Я знаю дорогу. Я слышал о ней от твоего отца. Он говорил о шахтах, когда думал, что я сплю».

Колм замер. Отец знал. Он знал о гномах. И молчал.
— Почему он не пошёл туда? — спросил он.

«Потому что он боялся. Гномы замуровали себя живыми, чтобы удерживать Печать. Твой отец не хотел тревожить их

жертву. Он предпочёл запереть меня в подzemелье и надеяться, что этого хватит. Но этого не хватило».

Колм сжал камень. Он был тёплым.

— Ты знаешь, что я найду там?

Голос помолчал. Потом ответил:

«Я знаю, что ты найдёшь там правду. И она будет тяжелее, чем всё, что ты уже нёс. Но ты должен идти. Потому что, если не ты — никто».

Колм убрал камень. Сел на коня. Повернул на север к горе Крон-Тар, к шахтам гномов, к новой правде, которую он не просил. Он ехал и чувствовал, как в седельной сумке пульсируют камни — два сердца. Одно — драконье. Одно — эльфийское. И они вели его туда, куда он не хотел идти.

Гора Крон-Тар стояла на северной границе выжженных земель, как обломанный зуб. Колм подъехал к ней на закате, багровое небо отражалось в чёрных скалах, и казалось, что гора горит изнутри. Он спешился, привязал коня к сухому дереву и пошёл к входу. Тот был низким, узким, не для людей, гномы строили для себя.

Внутри темнота. Не та, к которой он привык. Густая, как вода. Факел в его руке давал света на три шага, всё, дальше ничего, только стены, шершавые, холодные, и запах металла, смешанный с пылью. Колм шёл медленно. Каждый шаг отдавался эхом, и казалось, что кто-то повторяет его движения — через секунду, через две. Он остановился, и эхо остановилось. Он пошёл, и эхо пошло.

Где-то далеко капала вода. Монотонно, как отсчёт времени. А потом он увидел следы. Сначала не понял, что это. Просто тени на стенах, неровности, но чем глубже заходил, тем отчётливее становились они. Борозды. Глубокие, как будто кто-то провёл по камню когтями. Не раз, не два. Десятки, сотни. Они шли вдоль стен, пересекали пол, уходили в темноту впереди.

Колм остановился. Прислонился к стене. Ладонь была мокрой, не от сырости, от пота. Сердце билось слишком громко, слишком часто. Он не боялся темноты, но боялся того, что могло быть в ней. Пошёл дальше. И вдруг — запах! Не металла, не пыли. Кислый, сладковатый, чужой. Живой. Колм не знал, чем пахнут демоны. Но знал, что этот запах не принадлежит этому месту. И что запах свежий.

Где-то впереди, за поворотом, послышался звук. Тихий, ровный, как дыхание. Или как скрежет когтей по камню. Или и то, и другое сразу. Колм замер. Прислушался. Звук повторился и стих. Колм сглотнул. Горло было сухим.

— Я не боюсь, — прошептал он. И не поверил сам себе. Он не знал, что увидит за поворотом. Но знал, что, если это демоны, он не готов. Не потому, что боится умереть. Он уже привык к мысли о смерти. Боялся, что не успеет и всё, что он собрал — кровь Дракона и камни памяти окажутся бесполезными. И тогда он умрёт просто ещё одним человеком, который не справился. С этими мыслями двинулся дальше. Каждый шаг давался тяжелее. Ноги наливались свинцом. Воздух

становился плотнее, как будто земля сдавливала его со всех сторон. Факел в руке дрожал, и Колм не был уверен, что это от его собственной дрожи. Прошёл через зал, где пол провалился в чёрную бездну. Внизу — ничего. Только холод, поднимающийся из глубины. Перешёл по узкому каменному мосту, держась за стену, чувствуя, как камни крошатся под ногами. И наконец дошёл до последнего зала. Там было светло. Не от факелов. Стены зала были покрыты письменами, которые светились тусклым голубоватым светом. В центре зала стоял каменный саркофаг. Не для мёртвых, для живых. Сквозь щели в камне пробивался слабый голубой свет.

Колм подошёл ближе. Прикоснулся к камню, такому тёп- лому и нежному, словно живая кожа. И вдруг изнутри раз- дался голос. Не громкий, не шёпот. Спокойный, он говорил с Колмом, будто всю жизнь.

«Ты пришёл, — сказал голос. — Я знал. Я ждал тебя дол- ше, чем всех остальных».

В голосе не было радости. Не было надежды. Только уста- лость — такая глубокая, что Колм почувствовал её в своих костях. Он представил: триста лет сидеть в темноте, в кам- не, чувствовать, как мир трещит за стеной. И ждать. Просто ждать.

Колм прижался ладонью к камню, положил другую руку на рукоять меча — не угрожая, просто по привычке. Он чув- ствовал, как внутри саркофага бьётся что-то — не сердце, не дыхание. Воля. Триста лет в камне.

— Ты — гном? — спросил он.

«Я был мастером кузниц Крон-Тара. Меня зовут Торвин. Мы замуровали себя здесь, чтобы держать Печать. Наши тела спят. Но наша Воля — жива».

Колм молчал. Он смотрел на каменный саркофаг, на голубой свет, просачивающийся сквозь щели.

— Я пришёл за артефактом, — сказал он.

«Я знаю. Он здесь. Я держу его для тебя».

Колм посмотрел на стены. И только сейчас заметил: в центре зала, у подножия саркофага, лежал кусок металла. Небольшой, тёмный, почти незаметный.

— Если я возьму его, — сказал Колм, — вы очнётесь?

Голос помолчал. Потом ответил:

«Да. Мы очнётся. Но мир, который мы спасали, уже разрушен. Мы не знаем, что увидим, когда выйдем».

Колм смотрел на металл. На свои руки. На саркофаг.

— Вы проклянёте меня за это?

Голос зазвучал снова — тише, спокойнее:

«Мы не знаем. Мы не знаем, правильно ли ты делаешь. Мы не знаем, правильно ли мы поступили, когда замуровали себя. Мы просто хотели, чтобы мир остался. А теперь — мы не знаем, что осталось».

Колм подошёл к артефакту. Протянул руку. Остановился. Посмотрел на саркофаг. На голубой свет, который бился изнутри, как живой. Он думал о том, что они чувствуют сейчас. Знают ли они, что их жертва закончится через секунду?

Или они уже забыли, что такое — быть живыми?

— Я не знаю, смогу ли я жить с этим выбором, — сказал он тихо.

Ответа не было. Только голубой свет мерцал в тишине. Он наклонился. Коснулся металла пальцами. И вдруг — вспышка. Он стоял в этом же зале. Но зал был другим. Заполненным. Вокруг стояли гномы — молодые, с горящими глазами, с руками, которые не дрожали. Те же стены — но без голубого света, без саркофага. Только наковальня, горн и огонь. Торвин стоял у наковальни. Он был молодым, его борода была чёрной, и он улыбался. Он поднял молот и ударил по металлу — раз. Два. Три. Каждый удар отдавался в теле Колма, как удар сердца. И Печать вспыхнула белым светом, как звезда, упавшая в землю.

Голос Торвина прозвучал в голове Колма: «Я делаю это для всех. Для людей. Для эльфов. Для тех, кого нет. Я не знаю, удержится ли она. Но я знаю, что я сделал всё, что мог». Вспышка погасла.

Колм стоял в пустом зале. Артефакт в руке был тёплым. Голубой свет в саркофаге дрогнул — и стал ярче. Он понял: гномы просыпаются. Не от того, что он забрал артефакт. От того, что их жертва закончилась.

— Я не знаю, правильно ли я делаю, — сказал он тихо.

Голос из камня ответил: «Мы тоже не знаем. Но мы знаем, что ты — первый, кто пришёл. И мы прощаем тебя. За то, что ты не оставил нас здесь».

Колм сжал артефакт. Повернулся. Пошёл к выходу. У выхода он остановился. Обернулся. Саркофаг светился ярче, чем прежде. По стенам пробегали трещины — не от разрушения, от пробуждения.

— Вы выйдете? — спросил он.

«Да. Мы выйдем. И увидим мир, ради которого страдали. Спасибо тебе, сэр МакГрат. За то, что ты освободил нас».

Колм кивнул. И вышел. Он сел на коня. Артефакт в седельной сумке лежал рядом с камнями — золотым и зелёным. Три. Голос дракона. Голос дочери. И теперь — металл, который держал Печать.

Он повернул коня на юг. К багровому небу. К трещине. К тому, что ждало его в конце. И внутри — пустота. Но теперь в ней было тихо. И Колм знал, что это не его пустота. Это все те, кого он встретил — ведьма, дракон, эльфы, гномы. Они остались в ней. И она перестала быть пустой.

Грех человеческий

Колм ехал на юг. Тишина внутри него стала другой — не пустой, а наполненной теми, кого он встретил. Потомок Дракона, который сидел в подземелье и не надеялся, что кто-то вспомнит о его существовании. Лаэрон, потерявший дочь и надежду. Гномы, замуровавшие себя в саркофаг, удерживающие силой Воли целостность Печати. Король, которого он ещё не знал, но уже чувствовал его усталость за сотни миль.

Колм привык к тому, что камни в сумке пульсируют по ночам. Он перестал замечать это — как перестают замечать тиканье часов или собственное дыхание. Иногда, на рассвете, золотой камень начинал тихо вибрировать, и Колм клал на него ладонь, чувствуя это движение — ровное, спокойное, чужое. Он не знал, что это значит. Он просто привык. Оно стало частью его мира, как шум ветра или стук копыт.

Колм смотрел на дорогу и думал о каждом из них. О том, как они отдавали — не потому что хотели, а потому что устали. И только ведьма была совсем не понятна Колму. Ему казалось, что она не хотела забирать его сны. Она просто поняла, что он не уйдёт, и выбрала меньшее зло. Но он не знал, зачем ей его сны. Она сказала: «Я тоже не сплю уже семьдесят лет». Но он не спросил, зачем ей чужие сны. Она живёт одна, перебирает травы, молчит. Сны нужны тем, кто хочет жить чужую жизнь. А она уже живёт свою — тихую, разме-

ренную, никому не нужную. Зачем ей видеть море, которого она никогда не видела? Зачем ей мать, которую она не знала? Зачем ей поле, по которому она никогда не бегала? Он не знал. И это беспокоило его больше, чем потеря снов. «Может быть, — думал он, — она просто хотела, чтобы я перестал быть собой. Чтобы я стал пустым, как она. Может быть, она не одинока — она просто хочет, чтобы кто-то разделил её пустоту. Или, может быть, она просто хотела, чтобы я ушёл. А сны — небольшая плата за то, что я побеспокоил её тишину».

Колм сжал поводья. Он не знал ответа, знал только, что каждую ночь проваливается в темноту, просыпается без ощущения, что жил. Сны не возвращались. Он даже не знал, скучает ли по ним или просто привык к их отсутствию. «А нужны ли мне вообще сны? — спросил он себя. — Сны — то, что я потерял, но, возможно, я их никогда и не ценил. Море, мать, поле... всё это было просто воспоминаниями. А теперь у меня есть голоса. Дракон, эльфы, гномы... я слышу их. Они внутри меня. Разве это не те же сны?» Но он знал, что это не так. Сны были его. Голоса — чужие.

Колм знал о короле не от отца. Не из манускриптов, которых в библиотеке Глен-Ши почти не осталось. Он узнал о нём из карты — той самой, что нашёл в камере потомка Дракона. Не первой, что он выменял у ведьмы. Другой. Старой, выцветшей, с чужой подписью, лежащей в седельной сумке у самого дна. На ней почти не было названий. Только линии,

горы, реки. И одна точка на юге, отмеченная чёрным крестом.

Он долго не знал, что там. Думал, это просто метка, оставленная тем, кто рисовал карту. Но потом голос Потомка Дракона зазвучал в его голове — негромко, но отчётливо, как всегда, когда нужно было сказать что-то важное:

«Там — король. Не тот, кто правит с трона. Тот, у кого последний ключ. Твоя карта знает больше, чем ты думаешь. Или та, кто её рисовала, знала. Она не случайно попалась тебе».

Колм сжал поводья. Кто-то, кто оставил эту карту в темнице, знал о короле. Знал о драконе, об эльфах, о гномах. Знал всё. И молчал. Или просто не считал нужным говорить.

Он не знал, что ждёт его в столице. Не знал короля — жестокий он или справедливый, умный или глупый. Знал только, что у него есть то, что нужно. И что он не отдаст его просто так. Колм ехал и чувствовал, как камни в сумке пульсируют ровно и тепло. Голос дракона, голос дочери, металл гномов — они вели его. К королю. К последнему артефакту.

Город встретил Колма шумом и суетой. Люди спешили по улицам, торговцы выкрикивали цены, дети бежали за голубями. Рыцарь смотрел на них и чувствовал, что он уже не часть этого мира. Эти люди жили так, как будто завтра будет таким же, как вчера. Он же знал, что завтра может не наступить.

Королевский дворец стоял на холме — белый, огромный,

с золотыми крышами. Колм вошёл внутрь. Стражники пропустили его — он был рыцарем, а рыцарей пропускали к королю неотлагательно, у них был доступ круглосуточно.

Внутри всё из мрамора, золота, дорогих тканей, величественно и почему-то давяще. Древняя усталость ощущалась в воздухе. Та, которая чувствуется в старых зданиях, в стенах, видевших слишком много.

Короля Колм нашёл не в тронном зале, а в небольшом кабинете, за столом, заваленным бумагами. Его Величество поднял глаза, когда рыцарь вошёл, и отложил перо.

— Сэр МакГрат, — сказал он. — Я думал, ты мёртв.

— Почти, Ваше Величество, — ответил Колм.

Король усмехнулся — не зло, не весело. Просто устало.

— Я слышал, что ты собираешь артефакты. Дракон, эльфы, гномы. Сказки, если честно.

— Это не сказки.

— Я знаю, — сказал король. — Я видел небо. Я знаю, что что-то не так. Но я не знаю, что именно. Скажи мне. Садись, в ногах правды нет.

Колм сел напротив. Рассказал. Коротко, без деталей. О Печати, о трещине, о демонах. О ведьме, драконе, эльфах, гномах. О том, что ему нужно последнее — кольцо.

Король слушал. Не перебивал. Когда Колм закончил, он поднял руку с кольцом — тёмным, почти чёрным, с тусклым камнем.

— Ты хочешь это? — спросил он.

— Да.

— Я не знаю, правда ли то, что ты говоришь, — сказал король. — Я не был там. Я не видел демонов. Я не чувствовал Печать. Я только вижу багровое небо и слушаю тебя. Ты говоришь убедительно. Но я не могу отдать тебе кольцо только потому, что ты хорошо говоришь.

Колм молчал. Ждал.

— Если я отдам тебе кольцо, — продолжал король, — и ты окажешься прав, то я помогу тебе спасти мир. Если ты окажешься неправ — я останусь беззащитным. И мир рухнет не от демонов, а от людей, которые увидят, что я ослаб.

Король говорил спокойно, без надрыва. Как будто обсуждал цены на зерно.

— Я не прошу Вас верить мне, Ваше Величество, — сказал Колм. — Я прошу поехать со мной. Увидеть своими глазами. Тогда Вы сможете решить отдать или нет последний артефакт.

Король смотрел на него долго. Потом спросил:

— Ты серьёзно?

— Да.

— Я не был за пределами столицы десять лет.

— Значит, пришло время, нам пора.

Король усмехнулся. На этот раз — искренне.

— Ты странный рыцарь, сэр МакГрат.

— Я знаю.

Король поехал с ним. Без охраны, без слуг. Просто вер-

хом, рядом с Колмом.

Они ехали три дня. Король молчал. Смотрел на небо, на землю, на пустые деревни. Колм не нарушал тишину. Он знал, что слова не нужны.

На четвёртый день они подъехали к границе Выжженных земель. Земля была сухой, мёртвой. В воздухе пахло гарью и чем-то кислым — запахом, который Колм узнал.

— Здесь, — сказал он.

Король спешил. Прошёл вперёд. Остановился у края земли, где трава кончалась и начиналась пустота.

Он стоял долго. Смотрел.

— Это не сон, — сказал он наконец. — Я чувствую это. Это не просто земля. Она мёртвая. Я чувствую, как она дышит — или не дышит.

Колм подошёл к нему. Положил ладонь на рукоять меча — не угрожая, просто по привычке. Король заметил этот жест, но ничего не сказал.

— Теперь Вы верите мне, Ваше Величество? — спросил он.

— Я верю, что здесь что-то не так, — ответил король. — Я не знаю, демоны это или что-то другое. Но я вижу, что мир умирает.

Король снял кольцо. Он держал его в ладони и смотрел на него.

— Я отдаю его тебе, — сказал он. — Не потому, что я верю тебе. Потому, что я увидел своими глазами. Это един-

ственное, что я могу сделать.

Колм взял кольцо. Оно было холодным. Но когда он сжал его, внутри отозвался золотой свет — ровный, спокойный. Как все остальные артефакты.

Король смотрел на его ладонь.

— Твоя рука светится, — сказал он.

— Я знаю. Это кровь дракона.

— Ты не удивлён.

— Я привык.

Они стояли на краю Выжженной земли. Двое мужчин, которые не выбирали свою ношу.

— Что Вы будете делать, Ваше Величество? — спросил Колм.

— Вернусь в столицу. Буду держать порядок. Ты делаешь свою часть — я делаю свою.

— Вы не боитесь?

— Боюсь, — сказал король. — Но я больше не хочу сидеть и ждать. Я хочу знать, что делаю что-то.

Он повернулся и пошёл к коню. На прощание сказал:

— Иди и закрой эту Печать, сэр МакГрат. А я буду ждать тебя. И надеяться, что ты вернёшься.

Колм смотрел ему в спину. Думал о том, что король — это он. Только другой. Тот, кто не пошёл искать ответы, а остался удерживать то, что имел.

Колм сжал кольцо в ладони. Оно пульсировало — ровно, спокойно.

Он повернул коня на восток. К багровому небу. К трещине. К Печати.

И внутри — пустота. Но теперь она была не просто пустой. Она была живой. Ведьма, дракон, эльфы, гномы — они все остались в ней. И теперь король. И Колм чувствовал, что, если он когда-нибудь снова увидит сны, в них будут не море и не мать. В них будут все те, кого он встретил.

И он не знал, хотел ли он этого.

Путь к Разлому

Земля менялась с каждым шагом. Сначала трава стала жёсткой, колючей. Потом она исчезла — осталась только глина, серая, треснувшая, как кожа старика. Воздух стал плотным, тяжёлым. Колм дышал глубже, но воздуха не хватало.

Конь не пошёл дальше. Колм спешился, привязал его к сухому дереву. Дальше — пешком. Он шёл быстро, почти бежал. Артефакты в сумке пульсировали в такт сердцу. Голос дракона. Голос дочери. Металл гномов. Кольцо короля.

И свёрток.

Он забыл о нём до вчерашнего дня. Тот самый свёрток, который дал ему трактирщик на границе выжженных земель. Грязный, перевязанный бечёвкой, пахнущий старой кожей и пеплом. Колм достал его, развязал. Внутри был кусок обугленной ткани и письмо — короткое, сбивчивое:

«Если ты это читаешь — значит, ты прошёл дальше меня. Я был охотником. Я охотился на дракона. Я привёл его в подземелье твоего отца. Я сжёг свои руки, потому что боялся сказать правду. Теперь я говорю её тебе: мир рухнет не из-за демонов. Мир рухнет из-за того, что люди боятся смотреть правде в глаза. Удачи, сэр МакГрат. Ты — не твой отец».

Колм перечитал трижды. Сунул в сумку. Рядом с артефактами.

Он пошёл дальше.

Земля вокруг стала другой. Воздух дрожал — как над огнём, хотя огня не было. Запах — кислый, сладковатый, чужой. Колм сжал рукоять меча, но не вытащил его.

Он увидел трактирщика. Тот стоял посреди пустой равнины, поднимал свои обожжённые руки к небу. Пальцы скрючены, кожа стянута рубцами. Он плакал — беззвучно, невыносимо.

— Я не хотел, — сказал он. — Я просто боялся. Твой отец сказал мне: «Если ты кому-нибудь скажешь — ты умрёшь». Я испугался. А теперь — я смотрю на мир и вижу, что я сделал. Я не дал дракону уйти. Я не сказал правду. Я — трус.

Колм остановился. Он смотрел на обожжённые руки — те самые, которые держали ключ двадцать лет.

— Я знаю, — сказал он. — Ты не виноват.

— Я виноват! — голос трактирщика сорвался, стал хриплым, почти звериным. — Я мог сказать правду. Я не сказал. Я приносил ему еду — но я так и не выпустил его. Я просто кормил его, чтобы успокоить свою совесть! Я сжёг свои руки, потому что испугался правды! А теперь — мир горит. Из-за меня!

— Из-за отца, — сказал Колм. — Не из-за тебя.

— Я тоже отец! — трактирщик посмотрел на него. Его глаза были мокрыми. — У меня были дети. Я оставил их. Я не выдержал — я оставил их, потому что не мог смотреть им в глаза. Я — трус. Ты не должен быть трусом, сэр МакГрат.

Колм смотрел на него. Он хотел сказать: «Я тоже трус». Но он не сказал.

Трактирщик исчез.

Колм пошёл дальше.

Вторым он увидел потомка Дракона. Тот стоял на краю трещины, глядя в чёрную пустоту. Его плечи были сгорблены. Он смотрел на Разлом, и его голос звучал тихо, как у человека, который давно не говорил вслух.

— Ты выпустил меня, — сказал он. — Ты дал мне свободу. Но я не знаю, куда идти.

Колм остановился. Он смотрел на него — на того, кто двадцать лет сидел в темнице.

— Ты всегда знал, — сказал Колм. — Ты просто ждал.

— Ждал чего?

— Чтобы кто-то сказал тебе, что ты не виноват.

Дракон повернулся. Его глаза были пустыми — но в них мелькнула золотая искра.

— Ты не виноват, — сказал Колм. — В том, что родился. В том, что сидел в клетке. В том, что отдал кровь. Ты не виноват.

Дракон смотрел на него. Его губы дрожали.

— А ты? — спросил он. Его голос стал тише, но острее. — Ты виноват, сэр МакГрат? Ты слышишь меня? Ты виноват?

Колм стоял. Он думал о том, что он сделал. О снах, о крови, о голосах, о металле, о кольце. О том, как он забирал, забирал, забирал.

— Да, — сказал он. — Виноват. Я забирал у людей то, что они не хотели отдавать. Я крал кровь. Я крал голоса. Я крал жизнь. Я — вор.

— Ты — спаситель, — сказал дракон.

— Спасители не чувствуют себя ворами.

Дракон исчез.

Колм пошёл дальше.

Третьим он увидел Лаэрона. Эльф сидел у стены — той самой, где хранились голоса. Его руки пустовали. Камня не было. Он держал воздух, как будто всё ещё держал голос дочери.

— Ты сказал ей, что она вернётся, — прошептал он. — Ты сказал это мне. Ты дал мне надежду. А потом забрал её.

Колм остановился. Он хотел сказать: «Я должен был». Хотел сказать: «Я не хотел». Но слова застряли в горле.

— Ты забрал её голос, — продолжал Лаэрон. Его голос дрожал, как сухие листья на ветру. — Я держал этот камень триста лет. Я слушал её голос, когда мне было страшно. А теперь я слышу только тишину. Что ты дал мне взамен?

Колм смотрел на него. Думал о том, что он взял у эльфа последнее, что у него было. И ничего не дал взамен.

— Ничего, — сказал он. — Я дал тебе НИ-ЧЕ-ГО.

— Ты дал мне надежду! — Лаэрон встал. Его голос стал громче, он дрожал от боли. — Ты сказал: «Она вернётся». Ты дал мне надежду, а потом отнял её! Это хуже, чем если бы ты сказал правду! Это жестокость, сэр МакГрат!

— Я знаю, — сказал Колм. — Я жесток. Я всегда был жесток. Я просто не знал этого.

Лаэрон исчез.

Колм пошёл дальше.

Четвёртыми он увидел гномов. Они стояли вокруг саркофага. Трещины на нём стали шире. Свет внутри — бледный, умирающий. Они не обвиняли. Они просто смотрели. Один из них заговорил — голос его звучал как камни, трущиеся друг о друга.

— Мы ждали тебя триста лет. Мы отдали тебе металл. Мы отдали тебе свою жертву. А ты отдал нам пустоту. Мы не проклинаем тебя. Мы просто не знаем, зачем мы теперь живём.

Колм стоял перед ними. Он смотрел на их лица — на те, что видели, как мир рушится.

— Я не знаю, зачем вы теперь живёте, — сказал он. — Но я знаю, что вы не зря жили. Вы держали Печать. Вы удерживали мир. Это важно. Даже если вы сами не верите в это.

— А ты веришь в это? — спросил гном. — Ты веришь, что ты не зря идёшь?

Колм молчал. Долго.

— Я не знаю, — сказал он. — Но я иду.

Гномы исчезли.

Колм пошёл дальше.

Пятым он увидел короля. Тот сидел на троне — посреди пустоты. Ни дворца, ни стен. Просто трон и король. Его руки

дрожали. Кольца на пальце не было.

— Ты забрал мою власть, — сказал он. — Ты забрал мой порядок. Ты сказал мне: «Поехали, увидишь своими глазами». И я поехал. И я увидел. И я отдал тебе кольцо.

Колм смотрел на него. Он видел, как дрожат руки короля.

— Вы вернулись в столицу, Ваше Величество, — сказал Колм. — Люди смотрят на Вас. Они видят, что король слаб. Они ждут, когда король упадёшь. Но Вы не упали. Вы стоите. Это больше, чем Ваше Величество думает.

— Это меньше, чем я хочу! — Король встал с трона. Его голос дрожал от боли и гнева. — Ты забрал мою силу! Ты забрал мою защиту! Ты дал мне правду — но правда не спасает! Правда убивает!

— Правда не убивает, — сказал Колм. — Страх убивает. Вы боитесь. Я тоже боюсь. Но я иду дальше. И Вы должны идти дальше.

Король смотрел на него. Его глаза были пустыми.

— Ты прав, — сказал он. — Я стою. Я всегда стоял. Я не знал, что можно идти дальше.

Король исчез.

Колм пошёл дальше.

И последней он увидел ведьму. Она сидела у башни — той самой, где он подписал контракт. Её руки перебирали травы. Она не смотрела на него. Но она говорила.

— Я не хотела твои сны, — сказала она. — Я хотела, чтобы ты ушёл. Я просто не знала, как сказать тебе это по-дру-

гому. Я устала быть ведьмой. Устала быть одна. Я думала, если я заберу твои сны — ты перестанешь быть человеком. И перестанешь приносить боль. А ты всё равно приносишь.

Колм стоял перед ней. Он смотрел на её руки — на те самые, что перебирали травы в день их встречи.

— Ты забрала мои сны, — сказал он. — Я не знаю, зачем. Но я знаю, что теперь я — не тот, кем был. Я нёс чужую жизнь. Много чужих жизней. И я не знаю, что с этим делать.

Ведьма подняла голову. Её глаза были ясными и пронзительными — как в тот день.

— Ты не должен ничего делать с ними, — сказала она. — Ты просто должен нести их дальше.

Колм смотрел на неё. Хотел спросить: «Ты видишь мои сны? Они там?» Хотел спросить: «Зачем ты это сделала?»

Но он не сказал ни слова. Он просто замолчал.

Ведьма исчезла.

И вдруг — пустота. Ничего. Никого.

Только он сам.

Колм стоял напротив себя. Тот, другой, был точно таким же. Та же одежда, та же сумка, те же седые волосы у висков. Только глаза были другими. Они были пустыми. Как у всех, кого он встретил. Как у ведьмы. Как у дракона. Как у эльфов. Как у гномов. Как у короля.

— Ты мог не идти, — сказал другой Колм. — Ты мог остаться в Глен-Ши. Мог ждать, пока мир рухнет. Мог сидеть в своём замке, перебирать манускрипты, делать вид, что

ты что-то делаешь.

Он усмехнулся. Это была та же усмешка, которую Колм прятал внутри.

— Но ты пошёл. Ты думаешь, это героизм? Ты думаешь, это смелость? Нет. Это страх. Ты боишься, что тебя забудут. Что твоя жизнь ничего не значит. Что ты просто ещё один МакГрат, который сидел в замке и ждал, пока мир рухнет.

— Ты идёшь спасти мир, — сказал он. — Ты думаешь, ты герой?

Колм молчал.

— Ты — не герой, — продолжал другой Колм. — Ты — просто человек, который боится. Боится, что его жизнь ничего не значит. Боится, что он умрёт в неизвестности. Боится, что он просто очередной МакГрат, который сидел в замке и ждал, пока мир рухнет. Ты ищешь оправдания. Ты говоришь себе: «Я должен». Ты говоришь себе: «Я не выбирал». Но ты выбирал. Каждый раз ты выбирал идти дальше.

Колм смотрел на себя. На свои собственные глаза. Пустые. Чужие.

— Ты пошёл за артефактами не потому, что хотел спасти мир. Ты пошёл, потому что не мог сидеть и ждать. Потому что ждать — это страшнее, чем умереть. Ты — трус. Ты бежишь от себя.

— Я бегу к Печати, — сказал Колм.

— Нееееет! — Другой Колм усмехнулся. Его голос стал резким, оскаленным. — Ты бежишь от тишины. От пустоты.

От того, что внутри тебя. Потому что, если ты остановишься — ты увидишь, что твоя жизнь пуста. Что ты ничего не создал. Только забрал. Забрал кровь, забрал голоса, забрал металл, забрал кольцо.

Он сделал ещё шаг вперёд. Теперь они стояли почти вплотную.

— Ты — вор. Ты — мародёр. Ты — пустота, которая притворяется человеком. Ты отдал сны. Ты думаешь, это было смело? Нет. Это было легко. Ты не хотел снов. Ты хотел забыть. Ты хотел избавиться от того, что делало тебя человеком. Море, мать, поле — ты не ценил их. Ты даже не плакал, когда потерял их. Ты просто шёл дальше. Потому что тебе было плевать.

— Мне не было плевать! — сказал Колм. Его голос сорвался, стал хриплым. — Я помню. Я помню мать. Я помню море. Я помню поле.

— Ты помнишь? — Другой Колм наклонил голову. Его голос стал тише, но острее, как лезвие. — Тогда скажи мне. Какого цвета было море в твоих снах?

Колм замер.

Он помнил море. Он помнил, что оно было. Но какого цвета? Он не знал. Он никогда не думал об этом. Он просто знал, что оно есть.

— Ты не помнишь, — сказал другой Колм. — Ты никогда не помнил. Ты просто думал, что помнишь. Ты — пустота, которая притворяется человеком. Ты — дыра, которая идёт

к Разлому, чтобы заполнить себя.

Колм стоял. Он смотрел на себя. На свои глаза. Пустые. Чужие.

— Ты думаешь, ты спасаешь мир? — продолжал другой Колм. — Ты просто боишься, что, если не ты — никто. И тогда ты умрёшь в неизвестности. Ты умрёшь тем, кем родился — никем. Ты не герой. Ты просто трус, который бежит от себя.

— Я не пустота, — сказал Колм. Его голос дрожал, но он говорил. — Я нёс чужие жизни. Дракон. Эльфы. Гномы. Король. Трактирщик. Они внутри меня. Они — моя память. Я не забыл их. Я никогда не забуду их.

— Ты носишь их, — сказал другой Колм. — Но ты не знаешь, как их отдать. Ты не знаешь, как быть с ними. Ты просто несёшь их в Пустоту. Как свою ношу. Как свою жертву. Ты — могила, которая идёт пешком.

Колм смотрел на себя. Другой Колм усмехнулся.

— Ты убивал их. Не своими руками. Своим выбором. Ты забирал их жизни. Ты разрушал их надежды. Ты дал им ложную надежду и забрал её обратно. Ты — убийца, который не мараает руки. Ты — палач, который не видит крови.

Колм стоял. Он хотел ответить. Хотел сказать: «Ты не прав». Хотел сказать: «Я спасал их». Хотел сказать: «Я не хотел».

Но он не сказал ни слова.

Он замолчал.

Пустота внутри него — та самая, что стала живой — разлилась по телу. Она не была холодной или тёплой. Она была просто тихой.

Он смотрел на другого себя. Долго.

— Я — не ты, — сказал Колм наконец. Его голос был тихим, но твёрдым. — Ты — тот, кто я мог бы стать. Ты — страх, который я ношу. Но я иду дальше. Потому что я не знаю, как остановиться.

Другой Колм смотрел на него.

— А если ты не знаешь, как остановиться, — сказал он, — тогда ты — просто машина, которая идёт вперёд. Ты — не человек. Ты — орудие. Ты — орудие, которое идёт к Разлому. И ты даже не знаешь, зачем.

— Я знаю, зачем, — сказал Колм. — Я иду, чтобы мир не умер.

— Мир уже умер, — сказал другой Колм. — Ты просто не хочешь этого видеть.

Колм стоял перед собой. Перед своей пустотой. Перед своим страхом.

Он хотел ответить. Хотел сказать: «Ты не прав». Хотел сказать: «Я сделал это для всех». Хотел сказать: «Я должен».

Но он не сказал ни слова.

Он просто замолчал.

Не сдавался. Не проигрывал. Просто замолкал.

Другой Колм смотрел на него. Долго.

И исчез.

Колм стоял один у Разлома.

Печать была впереди — огромная, чёрная, с трещинами, из которых сочился свет. Демоны не напали на него. Они ждали.

Колм снял сумку. Открыл её. Золотой камень. Зелёный камень. Металл гномов. Кольцо короля. И свёрток трактирщика. Он вынул всё. Разложил перед собой на земле. И сел. Прямо на сухую, мёртвую землю.

Он сидел у Разлома. Смотрел на Печать. И молчал.

Не сдавался. Не проигрывал. Просто молчал.

И в этом молчании — после всех встреч, после всех голосов, после разговора с самим собой — была правда. Он был тем, кто нёс чужие жизни. Он был тем, кто забирал. Он был тем, кто не знал, как отдать.

Но он сидел у Разлома.

И это было единственное, что он мог сделать.

Он мог бы крикнуть. Мог бы позвать кого-то. Мог бы сказать последние слова. Но он не сказал ничего. Он просто сидел — и это было больше, чем любые слова.

Печать треснула сильнее.

Свет разлился по земле.

Колм закрыл глаза.

Сталь против Бездны

Колм сидел у Разлома. Артефакты лежали перед ним — на земле, на сухой, мёртвой земле. Золотой камень, зелёный камень, металл гномов, кольцо короля. И свёрток трактирщика. Он знал, что надо делать, знал ритуал, знал, как закрыть Печать. Протянув руку к металлу, внезапно замер.

Над Разломом, над чёрной пустотой, начала собираться тьма. Она сгустилась в фигуру. Девушка. Молодая, с тёмными волосами и глазами, которые Колм видел один раз — в зелёном камне. Сильвана. Дочь Лаэрона.

— Ты носишь мой голос, — сказала она. — Ты нёс меня к Разлому. Ты можешь вернуть меня отцу. Я могу быть живой. Всё, что нужно — ты должен отдать.

Колм смотрел на неё.

— Что отдать?

— Мою жизнь. Ты носишь её в себе — в камне. Если ты отдашь её мне — я оживу. Но тогда ты не сможешь провести ритуал.

Она помолчала.

— Ты выберешь меня вместо мира.

Колм стоял. Смотрел на неё. На её глаза — те самые, что смотрели на него из камня триста лет.

Он слышал внутри голос Лаэрона: «Она вернётся». Он видел перед собой девушку, которая могла вернуться к отцу.

Он мог дать ей жизнь.

Колм смотрел на зелёный камень в своей руке. Маленький, серый, почти мёртвый. Внутри него — её жизнь. Колм думал о том, что он нёс. О чужих жизнях, о чужих голосах, о том, что он забирал, забирал, забирал. Ведьма. Дракон. Эльфы. Гномы. Король. Трактирщик. Он устал забирать. Он хотел отдать. Он разжал пальцы. Камень упал на землю. И перед ним — она. Живая. Настоящая. Дышащая.

Сильвана посмотрела на него. Её глаза были влажными.

— Ты выбрал меня, — сказала она.

— Да.

— Ты выбрал жизнь.

— Я выбрал отдать, — сказал Колм. — Я не знаю, что я отдал. Но я знаю, что я отдал.

Она стояла перед ним.

— Иди к отцу, — сказал он. — Он ждал тебя триста лет.

Она смотрела на него. Потом повернулась и пошла.

Колм стоял у Разлома один.

Земля под ним дрожала. Трещины в Печати становились шире. Свет, который лился из них, был уже не белым, а чёрным. Мир умирал.

Он смотрел на артефакты, которые остались на земле. Золотой камень. Металл гномов. Кольцо короля. Голоса больше не звучали.

Пустота внутри него была тихой. Она не требовала. Она просто была.

Он знал, что делать. Он знал ритуал. Он знал, как закрыть Печать. Но как — он не знал.

Он протянул руку к металлу гномов. Коснулся его пальцами.

И вдруг — внутри него зазвучал голос. Не снаружи. Изнутри. Из той пустоты, которая стала живой. Это был не один голос. Это были все голоса. Дракон, эльфы, гномы, король, ведьма, трактирщик. Они говорили не словами, а чем-то другим — знанием. Колм не слышал их, чувствовал их и знал, что делать.

Колм достал флягу с кровью дракона. Она была тёплой. Он носил её с собой от самой камеры в подземелье. Она всегда была с ним — как напоминание о том, кого он выпустил. Он откупорил флягу. Кровь пахла железом и чем-то ещё — живым, тёплым.

Он макнул палец в кровь. И коснулся металла гномов. Кровь легла на холодную сталь тонкой, почти незаметной линией.

— *Я отдаю то, что держало.*

Металл засветился — тусклым, голубоватым светом. Таким же, как в шахтах. Он дрожал в его руке, как живой. Колм положил его на землю. Прямо перед собой.

Он снова макнул палец в кровь. Коснулся кольца короля.

— *Я отдаю то, что связывало.*

Кольцо засветилось золотым светом — ровным, спокойным. Колм положил его рядом с металлом.

Он снова макнул палец в кровь. Коснулся золотого камня — голоса дракона.

— *Я отдаю то, что говорило.*

Камень засветился золотым светом. Колм положил его рядом с кольцом.

Он посмотрел на зелёный камень. Пустой. Там, где был голос дочери, теперь была только тишина. Колм взял его. Он был холодным. Мёртвым. Он макнул палец в кровь. Коснулся камня.

— *Я отдаю то, что я отдал.*

Камень не засветился. Он просто лежал в его руке. Но на его поверхности остался след крови — тёмный, почти чёрный. Колм положил его рядом с остальными.

Четыре артефакта. Четыре голоса. Четыре жизни, которые он нёс. Все они были отмечены кровью дракона — той самой, что он взял в подземелье. Кровь смешалась с пылью на его пальцах. Чёрная и красная. Как тьма и жизнь.

И свёрток трактирщика. Колм развернул его. Перечитал письмо. Потом разорвал на четыре части — по числу артефактов. Положил каждую часть рядом с каждым артефактом.

Чернила на бумаге смешались с кровью дракона. Они впитались в пыль на его пальцах. Чёрные и красные. Как память и как жертва.

Колм поднял голову. Посмотрел на Печать.

Она была огромной, чёрной, с трещинами, из которых со-

чился свет. Она не была злой. Она была уставшей. Как он.

Колм снял доспех. Снял сталь, которая защищала его. Положил её на землю рядом с артефактами.

— *Я отдаю то, что держало меня.*

Он взял меч. Сталь блеснула в свете, который умирал. Он не вынимал его из ножен. Он просто держал его в руках, как держат что-то тяжёлое.

— *Я отдаю то, что я носил.*

И он вонзил меч в землю. Прямо в центр между артефактами. Сталь вошла в сухую, мёртвую землю. Она стояла прямо, как памятник. Как напоминание. Колм смотрел на неё. Потом на артефакты. Потом на Печать. Он знал, что делать.

Он сел на землю. Прямо перед артефактами. Прямо перед мечом. И закрыл глаза. Он не произносил заклинаний. Он не приносил жертв. Он просто сидел.

Пустота внутри него — та самая, что стала живой — разлилась по телу. Она не была холодной или тёплой. Она была просто тихой.

Он чувствовал, как артефакты пульсируют рядом с ним. Как свет в них становится ярче, теплее. Он чувствовал, как меч вибрирует в земле — как струна, которую кто-то тронул пальцем. Он чувствовал, как Печать дрожит — как живое существо, которое ждёт.

Колм открыл глаза.

Печать треснула. Свет разлился по земле — белый, живой, как дыхание.

Колм смотрел на неё. Он не знал, закрылась ли она. Он не знал, что будет дальше. Он знал только, что он отдал всё, что мог.

Он встал, шагнул в свет и провалился во тьму. Тьма была тёплой. Она не жгла, не давила. Она просто обнимала его, как вода обнимает тело, когда ты ныряешь в реку. Колм не чувствовал страха. Он чувствовал только покой. И пустоту. Тишину. Он не знал, сколько времени прошло. Может быть, секунда. Может быть, вечность. Он просто шёл в темноте. Один. Без голосов. Без артефактов. Без доспеха. Без меча. Только он. Он не знал, куда идёт. Он не знал, есть ли там выход. Но он шёл. Где-то далеко, в темноте, он слышал голос. Может быть, дракона. Может быть, эльфа. Может быть, ведьмы. А может быть, свой собственный. Он не разобрал слов. Только интонацию. «Ты сделал свой выбор, Колм. Теперь ты будешь жить с ним». Колм закрыл глаза.

Солнце било в окно. Где-то внизу, во дворе, лаяли собаки. Пели птицы.

Колм сидел на кровати. В своей комнате. В замке Глен-Ши. Он смотрел на свои руки. Чистые. Без следов крови. Без золотого свечения. Он встал. Подошёл к окну. Небо было синим. Обычным. Без багрового света. Без тяжёлых туч. Внизу, во дворе, стражники тренировались. Слуги носили воду. Дети смеялись. Колм стоял у окна и смотрел на них. Он не знал, сколько прошло времени. Не знал, что было реальным — его путешествие или этот день.

Он не знал, вернулись ли сны. Он не знал, жив ли мир. Он не знал, был ли Разлом. Но он знал, что он сделал выбор. И теперь он будет жить с ним. Колм отодвинул стул. Сел за стол, где когда-то лежали манускрипты. На столе лежал лист бумаги. Чистый. Рядом — перо и чернила. Колм взял перо. Макнул в чернила. Написал одно слово:

«ПОМНЮ»

Он смотрел на это слово. На чернила, которые впитывались в бумагу. На буквы, которые выходили из-под его руки. Он не знал, что помнит. Он не знал, что это значит. Но он знал, он — помнит. Колм отложил перо. Встал. Подошёл к окну.

Небо было синим. Он смотрел на него и ждал. Ждал, что оно снова станет багровым. Ждал, что почувствует пустоту внутри. Он почувствовал только тишину. Спокойную. Ровную. Как дыхание. Колм стоял у окна. Смотрел на небо. И не знал, счастлив он или просто устал. Но он знал, что он жив. И мир — тоже.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ГОЛОСА МИРА

СКАХА. ИСТОРИЯ ТОЙ, КТО ВИДИТ

Та, кто не спит

Я не помню, когда впервые увидела чужой сон. Мне было, наверное, лет пять. Я лежала на соломе, смотрела в потолок и вдруг увидела его. Не свой сон — чужой. Мужчина стоял на краю обрыва и смотрел вниз. Его руки дрожали. Он боялся.

Я не знала этого человека. Я не знала, почему я вижу его. Я не знала, что это значит.

Я проснулась и рассказала матери. Она сидела у очага, перебирала сухие травы. Когда я заговорила, её руки замерли. Она долго молчала, а потом сказала:

— Ты видишь чужие сны. Это твой дар. Ты не должна бояться его. Ты должна научиться понимать его.

— Что мне делать?

— Смотреть. Запоминать. Не торопиться говорить. Сначала пойми, что ты видишь. Потом реши, нужно ли это знать тому, кому ты хочешь сказать.

Я не поняла тогда. Я думала, что она говорит о моём будущем. Я не знала, что она говорит о том, что уже случилось.

Она научила меня травам. Она научила меня смотреть на огонь. Она научила меня выбирать.

Она умерла, когда мне было шестнадцать. Я осталась одна с её книгами, её травами и её словами.

Я видела чужие сны всю свою жизнь. Я не выбирала это. Это просто было.

В детстве я думала, что так видят все. Что каждый человек ложится спать и видит не свою жизнь, а чужую. Что каждый просыпается и не знает, где заканчивается его собственная боль и начинается боль другого. Я думала, что мир устроен так для всех.

Я ошибалась.

Я поняла это, когда мне было двенадцать. Мы сидели за столом — я, мать, отец, брат. Я посмотрела на брата и вдруг увидела его сон. Он видел, как умирает наш отец. Он видел его лицо, бледное, с закрытыми глазами. Он плакал во сне. А за столом он улыбался и ел хлеб.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.